

Преимственность и разрыв: проблема соотношения добра и красоты в британской философии XVIII века и британском эстетизме

Научный руководитель – Рукавишников Андрей Георгиевич

Тайибова Яна Андреевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра эстетики, Москва, Россия

E-mail: lya9980@mail.ru

Британский эстетизм – явление второй половины XIX века, закономерно вытекающее из культурно-философского наследия прошлого. Ключевой характеристикой данного течения является акцент на категории прекрасного и, как следствие, отрицание значимости социальной и этической сторон жизни. Жизнь для представителей британского эстетизма – нечто принципиально художественное, выстроенное по законам искусства и в его категориях.

Каким образом философы XVIII века, в целом придерживающиеся классической «калокагатийной» эстетики, повлияли на британский эстетизм, во многом скандальное течение, отрицавшее связь эстетики и этики? Основная задача – продемонстрировать влияние, касающееся преимущественности *ключевого предмета* эстетических размышлений этих направлений, – соотношения добра и красоты.

Античная идея калокагатии, несмотря на трансформацию смыслов составляющих её понятий, сохраняет своё существование и в трактатах Нового времени. Нередко можно увидеть, как красота смешивалась с благом или с пользой (в период доминирования «утилитаристской этики»). Впервые в британской эстетике проблему соотношения этического и эстетического затрагивает А.-Э.К. Шефтсбери. Он сохраняет тенденцию к смешиванию добра и красоты и – шире – эстетической и этической проблематики, заявляя, что «... красота и благо – это одно и то же» [1]. Теория Шефтсбери является возвращением к античному «прекрасному-и-доброму»: «... Шефтсбери стал известен немцам как воплощение греческого идеала, как момент слияния, счастливого сочетания, возврата к греческому браку прекрасного и благого» [2]. Философа можно условно назвать «антиутилитаристом» в эстетике, поскольку он говорит не о служении красоты цели (как будут считать другие его современники), а о глубоком синтезе добра и красоты, свободного от утилитарных смыслов.

Противоположный лагерь представлен Д. Юмом и А. Смитом. Они, хотя и продолжают линию сближения эстетики и этики, по-иному смотрят на вопрос о соотношении красоты и блага. Они выдвигают теории, поддерживающие идею полезности как эстетического качества. Джон Рёскин (1819-1900) – художественный критик, являющийся посредником между эстетикой XVIII столетия и новым «эстетическим движением» – яростно критикует отождествление красоты и пользы, которое поддерживалось на протяжении большей части конца XVIII и начала XIX веков. Юм приводит в пример лошадь, считая, что люди считают лошадей красивыми из-за их пользы. Рёскин придерживается аргумента, приведённого Бёрком в труде «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного»: хотя каждая складка, волосок и ноздря на свином рыле так или иначе способствуют его функционированию, никто не считает свинью красивой. Рёскин через отрицание взглядов «утилитаристов» приходит к собственному видению соотношения этического и эстетического (с опорой на Шефтсбери и Бёрка), заключающегося в их глубинной связи без какого бы то ни было оттенка утилитаризма.

Во время обучения в школе Уолтер Патер (1839-1894) – британский искусствовед, эссеист, критик, ключевой идеолог британского эстетизма – увлекается сочинением Рёскина «Современные художники», повлиявшего на его исследовательские установки. Патер выдвигает главнейшую категорию классической эстетики – прекрасное – на уровень главнейшей категории в рамках самой жизни, представшей в виде бесконечного потока эстетического опыта, погоней за совершенными формами: «Не плод опыта, а сам опыт – это цель» [3]. Патер призывает эстетизировать саму жизнь, созерцать её через непривычные для обывателя категории искусства и творчества. Эта идея становится основной для британского эстетизма.

Как отмечает Г.В. Аникин, Патер, говоря о своей приверженности идеям Рёскина, извратил суть его эстетики: «"Эстетизм" поднял на щит идею красоты, но оторвал её от нравственных идей, провозгласив принцип независимости красоты от морали. Рёскин же считал, что искусство обладает огромной моральной силой и поэтому художнику прежде всего должно быть присуще чувство нравственной ответственности» [4]. С этим можно поспорить, так как красота для Патера – основа формирования не только идеала совершенной жизни, но и нравственного характера. Последней идеей он обязан Рёскину. В очерке Патера «Ребёнок в доме» мы прослеживаем нравственное становление главного героя под влиянием созерцания прекрасных объектов: «Прекрасное в рассказе Пейтера пробуждает нравственно-этическое начало в душе героя, способность любить и страдать» [5].

Таким образом, устойчивый интерес к проблеме сложных взаимоотношений и хитросплетений красоты и добра сформировался у Патера – а далее и у других представителей британского эстетизма – благодаря Рёскину. Последний же, в свою очередь, перенял интерес к этой проблематике от британских философов XVIII столетия, подготовив своими сочинениями почву для размышлений целой плеяде британских эстетов и невольно положив начало течению, во многом противоположному его собственной философии.

Источники и литература

- 1) Шефтсбери А.-Э.К. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1974. – 536 с.
- 2) Лартома Ж.П. Диалектика этики и эстетики в творчестве Шефтсбери: прекрасное как символ моральности // Философия и общество. 2009. № 3. С. 165-178.
- 3) Pater W. Studies in the History of the Renaissance. L.: Macmillan, 1873. – 213 p.
- 4) Аникин Г.В. Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века. М.: Наука, 1986. – 319 с.
- 5) Литвиненко Н.А., Лунина И.Е., Редина О.Н. Рассказ У. Пейтера «Ребёнок в доме»: особенности поэтики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 2. С. 82-89.